

ЗАБОТА О СТАРИКАХ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА

Екатерина Александровна Орех ^a (e.orekh@spbu.ru)

Ольга Вячеславовна Сергеева ^{a b}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^b Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Орех Е.А., Сергеева О.В. (2019) Забота о стариках в интерпретациях отечественного кинематографа. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4): 120–140. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.5>.

Аннотация. Современный кинематограф переживает всплеск интереса к теме старости. Отмечая этот тренд, авторы статьи обобщают опыт отечественного кино последних четырех десятилетий, посвященного теме заботы о стариках. Поскольку кинофильмы представляют собой один из способов рефлексии общества о самом себе, целью текста являлся обзор «серебряного экрана», позволяющий зафиксировать возможные изменения в представлениях о легитимных способах заботы и ухода. Авторы полагают, что демонстрация человека в качестве объекта заботы является одной из стратегий приписывания состояния старости герою на экране. Для содержательного анализа кинофильмов адаптирован метод иконографии (Э. Панофский), позволяющий выявлять «правила» построения режиссерских высказываний о способах заботы на основе выделения ряда характеристик в репрезентации рассматриваемой темы и последующего сопоставления их между собой. Авторы берут за основу типологию моделей заботы по субъекту действия и выделяют пять вариантов организации заботы, представленных в отечественных кинофильмах рассматриваемого периода: проживание дома в одиночку, когда источником заботы служат соседи (иные чужие люди); проживание дома с семьей, члены которой осуществляют заботу; проживание дома в одиночку, когда забота осуществляется (платными) специалистами; проживание в госучреждении (домах престарелых) с профессиональным уходом; наконец, проживание в частном пансионате для пожилых людей, где также осуществляется профессиональная забота. Представляется, что вынесение на обочину российского кинодискурса семейной заботы, а также визуализация с начала 1990-х годов такого способа заботы, как коммунитарный (со стороны соседей, сочувствующих чужих людей) свидетельствуют о культурном конфликте традиционных и новых практик ухода.

Ключевые слова: кино, репрезентация, иконография, забота, старость, дом престарелых, визуальный анализ.

Введение

Когда социолог говорит о границах, разделяющих периоды жизни «молодость», «зрелость», «старость», то количество лет (физический возраст) однозначно не маркирует переход от одного периода к другому. Указателями возрастных границ, позволяющими идентифицировать жизненный период в социологическом смысле, выступают социальные статусы и роли, которые появляются у человека или теряются им. Социокультурный смысл старости, сложившийся в обществе модерна, предполагает возможность полной или частичной потери человеком достигнутых ранее статусов — профессионального, материально-финансового, семейного. Ответом на потери может оказаться институционализация заботы.

В современной России сфера заботы о стариках претерпевает изменения. Обсуждая «сдвиги» в межпоколенных социальных практиках взаимодействия, исследователи отмечают: «Формы заботы становятся разнообразнее (тренд диверсификации) <...> Семья более не справляется с поддержкой старшего поколения в одиночку; рыночные услуги не всегда доступны и приемлемы; нелиберальная социальная политика приводит к ограничению доступа к социальным услугам, поскольку сокращаются социальные фонды и ужесточаются критерии нуждаемости. Все эти процессы стимулируют формирование ромба или микса заботы о пожилых, когда социальную поддержку обеспечивает взаимодействие четырех макроакторов — семьи, государства, рынка и сообщества» (Здравомыслова, Низамова 2019: 217). Но дело, конечно, не только в появлении новых форм и способов заботы. Изменения института семьи, дифференциация стилей жизни идут параллельно с коррективами, вносимыми в государственную политику социальной защиты и обслуживания пожилых (Григорьева, Сизова, Москвина, 2019).

В ситуации быстрых изменений в обществе сосуществуют и конкурируют за право быть включенными в официальный дискурс различные определения «правильной» заботы. Одним из источников, отражающих и транслирующих социальные представления о старости, является кинематограф. Кинофильмы репрезентируют «хорошие» и «плохие», приемлемые и неприемлемые, распространенные и маргинальные практики заботы. Анализ кинодискурса в динамике может дать нам возможность диагностировать произошедшие ценностные сдвиги. Наследует ли наше сегодняшнее восприятие старости и стариков, их проблем, обязательств перед ними нормы советского времени? Насколько широк сегодня диапазон мнений о том, как обходиться со стариками, нуждающимися в уходе и заботе?

Цель нашей работы — проанализировать отечественные фильмы «серебряного экрана», акцентирующие внимание на проблематике заботы о стариках, вышедшие за последние четыре десятилетия, с тем чтобы сделать вывод о распространенных сегодня представлениях о легитимных вариантах такой заботы, а также оценить произошедшие изменения. Обзорным исследованием мы пытаемся обратить внимание на потенциал кинематографа как источника социологической информации. Избыточный, по выражению У. Эко, код кинотекстов способен помочь социальным ученым «поддерживать градус» социологического воображения при изучении проблем старения, что особенно важно, если в поле геронтологии вступают молодые авторы.

Понятия «заботы» и «старости»

Говоря о заботе и ее моделях, мы должны прояснить значение используемого термина. Действительно, существует ряд синонимичных понятий, таких, например, как «уход», «обслуживание», «помощь», которые не отражают в полной мере смысл основного термина (Мортари 2016). Однако в нашей работе мы обращаем внимание на социальные практики компенсирующей заботы, т.е. заботы, предполагающей уход за пожилыми людьми и оказание им помощи в удовлетворении потребностей, которые они не могли бы удовлетворить самостоятельно, поэтому использование в качестве синонима слова «уход» фактически оправдано.

Ситуация с ориентирами заботы в российском обществе может быть названа аномичной в дюркгеймовском смысле, поскольку, как пишут эксперты, сложившаяся в обществе модерна система межпоколенных взаимодействий трансформируется, уходит в прошлое стандарт демонстрации уязвимости, социально-экономическое положение молодежи снижается, а пожилых — растет (Григорьева 2019: 19–20). Исследователь реальной (не кинематографической) заботы о стариках социолог О. Ткач выделяет две основные традиции ее осуществления: первая сосредоточена в приватной сфере и основана на ресурсах расширенной семьи и солидарности поколений, а вторая предполагает, что забота о пожилых организуется в общественном секторе с использованием профессионального ухода. Однако «в современном обществе забота приобретает более сложные, смешанные формы, ее трудно четко локализовать» (Ткач 2015: 95). Продолжают тему «смешанных» форм заботы О. Парфенова и И. Петухова (Парфенова, Петухова 2019).

В основе классификации вариантов заботы могут лежать самые разные основания, например субъект (семья — чужие люди), место осуществления (домашняя — вне дома), может акцентироваться качество ухода

(профессиональная — непрофессиональная) или даже специфика самой заботы (деятельная сторона и эмоциональная сторона). Наиболее популярным основанием классификации является субъект, осуществляющий заботу. Так, распространенным оказывается выделение в качестве основных акторов государства, некоммерческих организаций, семьи, на основе чего получают свои названия и модели: патерналистская, квазилиберальная, фамилистская (Шпаковская, Кулмала, Чернова 2019). Иным вариантом классификации, основанной на характеристике субъектов заботы, является выделение О. Ткач родственной (семейной) и институциональной моделей заботы. Именно такое деление мы берем за основу в нашей работе, предполагая, однако, что эта классификация может быть расширена по итогам изучения кинематографических кейсов.

Выделяемые по тому или иному признаку модели заботы о стариках являются исследовательскими конструктами. Эти конструкты содержат ответы на вопросы о том, кто должен являться основным субъектом заботы, как она должна осуществляться (нужен ли профессиональный уход или достаточно родственного, домашнего, соседской помощи), где она должна быть локализована (дома или в специальных учреждениях), на каких условиях (платно или бесплатно). Будучи репрезентированными в кинофильмах в контексте эмоциональных оценок, модели заботы закрепляют представления о том, какой вариант ухода является правильным, хорошим, качественным, как должны вести себя заботящиеся люди и даже что должны чувствовать те, о ком заботятся, — старики.

Вопрос о границах старости в социологии является дискуссионным. Можно согласиться с А. Смолькиным, констатирующим, что социологическая теория равнодушна к возрасту человека (Смолькин 2019). С теоретической точки зрения в рассмотрении человека в возрасте, его способностей и потенциала активности действует та же логика, что и в рассмотрении молодежи, или человека средних лет, или ребёнка. Но при наличии нормативных документов, часто международных, например Конвенции о правах ребенка или пенсионного законодательства, общество принуждается исходить из зафиксированных в этих документах возрастных границ.

Если перейти к репрезентациям старости в кино, то «третий» и «четвертый» возраст рассыпаются на образы работающих и неработающих пенсионеров, стариков и старух, обитателей домов престарелых и глав больших семейств, одиноких и, напротив, социально востребованных пожилых людей, активных и пассивных личностей — все варианты трудно перечислить. Между тем среди этого разнообразия образов нам нужно выделить фильмы, представляющие именно «стариков». Необходимо

ориентироваться на какой-то критерий, по которому мы сможем легитимно рассуждать о том, что в фильме демонстрируется старик, а не пожилой человек, молодой пенсионер, инвалид и т.п.

В одном из текстов исследователь Г. Орлова пишет о репрезентации слепоты в журнальных фотографиях первых советских десятилетий, отмечая, что парадоксальным образом по-настоящему незрячий человек мог быть представлен видящим. Этот эффект достигался, например, когда незрячий занимал позицию у политической карты мира, воплощая правильного, просвещенного советского гражданина (Орлова 2006). Так утверждалась коннотация слова «видеть» как «обладать знанием»: в качестве слепых представлялись люди незнающие, неспособные понять и «увидеть» линию партии, а не те, кто обладал физическим недостатком слепоты. Этот пример важен для нас, потому что мы имеем возможность задуматься о нерелексируемых смыслах конструкта «старость» в отечественных кинолентах, о наделении киногероев специфическими свойствами, позволяющими зрителю узнавать в них именно стариков.

Первое, что нужно понять, — репрезентируется ли старость благодаря визуальному облику киногероя? Ответ на этот вопрос кажется очевидным: старые люди — это те, которые выглядят старыми за счет седых волос, морщин, сутулости, таких атрибутов, как палка-трость и т.п. Но стоит задуматься, и выясняется, что можно легко найти варианты исключений из правил на каждый обозначенный атрибут. Еще в советском кино категория «старости» не была непосредственно связана с конкретным возрастом, а также с перечисленными внешними признаками. Достаточно вспомнить фильм Э. Рязанова «Служебный роман» (1977), в котором главную героиню, директора организации, сослуживцы называли «старухой», хотя ей было немногим больше тридцати лет. Упомянем и фильм по мотивам произведения Е. Шварца «Сказка о потерянном времени» (А. Птушко, 1964), где физически дряхлыми стариками становятся дети, оказавшиеся (что немаловажно) «стариками» по сути своих характеров за счет нежелания жить активной жизнью. И таких примеров можно привести немало.

Можно ли ориентироваться на произнесение героями фильма характеристик-маркеров возраста или на название персонажей «за себя говорящими» обозначениями в титрах фильма, такими как «старик-старуха» или «баб(уш)ка-дед(ушка)? К сожалению, это тоже не надежный источник для идентификации старости. Лейтмотивом целой череды фильмов является идея, что так называемый «старик» даст фору молодым в способности постоять за себя и за своих близких, в желании жить, активности. Примером может являться фильм В. Меньшова «Любовь и голуби» (1984),

в котором «возрастные» супруги (как их называли окружающие, баба Шура и дядя Митя) функционируют и общаются на равных со своими друзьями — парой «средних» лет, имеют схожие с ними интересы и видение мира. В «Стариках-разбойниках» Э. Рязанова (1971) так называемые «старики» не желают выходить на пенсию, способны на невероятные авантюры, испытывают чувства симпатии и привязанности.

Мы полагаем, что одной из ключевых стратегий приписывания старости герою на экране является демонстрация человека объектом заботы. Настоящие «старики» представляются как люди, в большей или меньшей степени несамостоятельные, недееспособные, лишенные личностного «решенческого» начала. Они становятся зависимыми от других и не могут отвечать за себя сами в силу разных причин, обычно накладывающихся одна на другую: проблем со здоровьем, финансовых сложностей, разрыва значимых социальных связей. Все эти проблемы, вместе взятые, приводят к зависимости от заботы и характеризуют репрезентацию старости.

Тема недееспособности и зависимости идет рука об руку с проблематизацией способов заботы, которые реализуются институцией дома престарелых или вариантами ухода на дому. Поэтому лакмусовой бумажкой, проявляющей различные виды недееспособности пожилых людей, оказывается мотив «дома» или «места» (Wiles et al. 2012). Именно в связи с «домом» высвечивается и приобретает четкие очертания проблема нарастающих возрастных неудач в коммуникации и сложностей с самостоятельным распоряжением собой, своим телом, вещами. И, собственно, сами варианты заботы связаны с порядком в пределах физической среды разных домов.

Как социологу говорить о кино

Мы не являемся первопроходцами в плане попыток анализа фильмов о стариках. Кинематографический «поворот» к теме старости был отмечен и подвергнут рефлексии зарубежными геронтологами в начале 1990-х годов. Например, в обзорном тексте Т. Кула уже звучит понятие «серебряный экран», которым автор обозначает фильмы, где главными героями являются люди старшего возраста (Cole 1991: 427). При этом Кул обсуждает связь «старость — дом» как магистральную в режиссерском видении проблем старения.

В 2000-е рост кинорепрезентаций старости находит отражение не только в научных статьях (Yahnke 2005; Redding 2014), но и в монографиях. Так, книга израильского геронтолога А. Коэн-Шалева «Концепции старения: образы пожилых людей в кино» нацелена на объяснение конструктивистской работы кинематографа в поддержании общественных

представлений об образе жизни в старости, причем особое внимание автор уделяет работам режиссеров, которые сами достигли старшего возраста (Cohen-Shalev 2009). Труд канадской исследовательницы С. Чиверз «Серебряный экран: старость и беспомощность в кино» дает ретроспективу образов стариков, затрагивая такие темы, как репрезентация маскулинности и старения, показ старческих болезней и динамики супружеских отношений (Chivers 2011). В аннотации к книге отмечается, что популярные фильмы всегда включали пожилых персонажей, но до недавнего времени старость играла на экране только вспомогательную роль. Однако сегодняшнее закрепление темы старости в кино обусловлено вступлением поколения бэби-бумеров в данную возрастную группу. «Серебряный экран» можно оценить как попытку противостоять страху старения, как предложение (пере)оценить старение средствами кинематографа.

Отечественные работы, в которых рефлексированы кинематографические образы старости, представлены научными статьями, авторами которых являются геронтологи, культурологи и литературоведы (Карагода 2016; Лавлинский 2018; Сусоева, Нагорная 2016). Так, К. Карагода акцентирует внимание на «женской» старости в кино: автором предельно схематично обозначена проблема зависимости женских персонажей — несамостоятельных ни в жизни, ни в смерти (Карагода 2016: 173). В статье А. Сусоевой и О. Нагорной предпринята попытка сравнить зарубежный и отечественный кинематограф, формирующий культуру старости. Авторы критикуют отечественные медиа за трансляцию негативного образа старости, не предпринимая, однако, сколько-нибудь последовательного анализа кинотекстов. Анализ С. Лавлинского построен на материале как фильмов, так и литературных произведений, которые привлекаются для дискуссии об онтологии старости в современной культуре. В тексте преобладают отсылки к зарубежным фильмам, но примечательна увиденная автором близость мотивов заботы о старости в канадском фильме «Геронтофилия» (Б. Лабрюс, 2013) и в российском фильме «Простые вещи» (А. Попогребский, 2007): в обеих картинах молодые герои решают свои экзистенциальные проблемы через общение с пожилыми людьми (Лавлинский 2018: 80). Взгляд на российскую аналитику «серебряного экрана» позволяет обнаружить, что авторы говорят преимущественно о зарубежных фильмах, последовательного исследования отечественного кино (или хотя бы какой-то одной темы в этом кино) сделано не было. Но самым принципиальным для нас моментом является абсолютное отсутствие рефлексии о методе анализа кино, сам анализ проводится авторами без какого бы то ни было метода, представляет собой выводы на основании субъективного понимания содержания кинофильмов.

Вопрос о том, что предполагает социологический анализ фильма отнюдь не праздный, поскольку написано на эту тему много, но преимущественно все же о социологическом анализе кино как медийной сферы, но не фильмов как сообщений, дающих эмпирический материал. Традиционным является рассмотрение контекста функционирования фильма: оценок фильма кинокритиками, отзывов зрителей, наград, которые имеет фильм; социология преуспела в анализе киноиндустрии и особенно аудитории, но работа непосредственно с кинотекстами все еще является проблемой из-за вопросов методологического плана.

Приступая к анализу фильма, социолог должен помнить, что кинофильм — это режиссерский конструкт, творчески продуманная и придуманная история. Даже документальный фильм не дает объективного отражения реальности (тема творческого преломления реальности в художественном произведении — одна из самых проработанных в научной литературе). То есть в итоге фильм представляет собой авторское видение ситуации, режиссерскую точку зрения на конкретные вопросы, затрагиваемые в нем.

Выбирая теоретическую перспективу социального конструкционизма, мы вслед за А. Усмановой видим в фильмах «... не только актеров или сюжетные перипетии, но прежде всего определенный способ высказывания, подчиненный исторически сложившимся и культурно обусловленным правилам. <...> Способ высказывания никогда не бывает идеологически нейтральным» (Усманова 2007: 188). В этой связи мы собираемся сосредоточиться на дискурс-аналитической перспективе рассмотрения кинофильмов как совокупности высказываний. Понимая дискурс-анализ визуального материала как поиск латентных правил построения «кинематографической речи», существующих для конкретного контекста, мы предполагаем, что он возможен благодаря использованию адаптированного под задачи статьи метода иконографии. Автором метода применительно к истории искусств является Э. Панофский (Панофский 1999: 43–57). Метод предполагает сравнение между собой визуальных документов, специальным образом отобранных по теме или сходству сюжетов, для выявления в них повторяющихся черт, деталей, характеристик изучаемого образа или темы — так называемых иконографических признаков. Сравнению предшествует постановка исследовательского вопроса, например какие атрибуты использует художник для символического конструирования конкретного образа в определенный период времени?

В нашем случае под визуальными документами имеются в виду кинофильмы, а метод иконографии требуется адаптировать к этому виду источников. Неочевидные «правила» построения высказываний на конкрет-

ную тему на выборке из кинофильмов обнаруживаемы, на наш взгляд, за счет фиксации (частоты) встречаемости в киноповествовании искомым характеристик и последующего анализа полученных данных. По сути, социолог должен проделать контент-аналитическую работу: имея цель, локализирующую внимание на посвященных изучаемой теме эпизодах, заранее выделив единицы анализа на основе сконструированной модели предмета исследования, он просматривает фильм и фиксирует данные. Результативность этой работы зависит от того, насколько точно будут определены единицы анализа (Jones 1950). Иконография дает нам возможность вскрыть стереотипы как в репрезентациях тех или иных социальных акторов, так и в представлении ситуаций социального взаимодействия. Если анализировать частоту встречаемости в выборке тех или иных единиц анализа, можно поставить вопрос о том, что является мейнстримом, а что остается на периферии репрезентаций, является темой умолчания, а главное — какая идея стоит за такими вариантами изображения рассматриваемой темы. А значит, возможны выводы об интенциях и ценностных установках авторов фильма, проявляющихся в подчеркивании или, напротив, замалчивании, нивелировании проблемных вопросов жизни персонажей.

Важно подчеркнуть, что анализ возможен лишь на совокупности фильмов. Рассмотренные в качестве массива, фильмы предстают документами, отражающими бытующие в обществе взгляды, идеи и настроения, а значит, дадут нам возможность делать выводы об изменении дискурсивных стратегий маркирования старости, анализировать актуальные представления о ней и о приемлемых способах заботы о стариках. Еще один важнейший момент — контекст: анализ чувствителен к формированию выборки фильмов, критериями отбора которых являются не только наличие искомым темы или образа, но и период создания, место создания, а в некоторых случаях — и жанровая специфика. Чаще всего, формируя выборку, мы берем фильмы определенного периода и конкретной страны производства («советское кино 1960-х», «Голливуд 1930-х», «современное авторское кино стран Европы»).

Основным критерием отбора фильмов для нашего исследования будет репрезентация в киноповествовании способов заботы о стариках. Ранее, говоря о конструкте «модель заботы», мы отмечали, что в его основе лежат представления об основном субъекте заботы, способе ее осуществления, месте локализации заботы. Фиксация того, какие характеристики модели заботы представлены в каждом документе выборки, с какой частотой встречается тот или иной вариант заботы в определенный временной период, а главное — какая оценка ему дана режиссером, позволит создать базу для последующего анализа.

Выборка и анализ фильмов

Отечественных фильмов о представителях «третьего» и «четвертого» возраста немало, а фильмов, где они не являются главными героями, но имеют свою историю в общем сюжете и того больше. Но, как мы уже отметили, нас будут интересовать только те фильмы, в которых демонстрируется тот или иной вариант заботы о стариках, т.е. представлены способы обеспечения поддержки и ухода за старыми людьми. В зону нашего внимания не попадают фильмы, если в сюжете не проблематизирована необходимость заботы, если герои в возрасте активны и сами решают свои проблемы (например, как в фильме С. Говорухина «Ворошиловский стрелок», 1999, или в фильме В. Мельникова «Луной был полон сад», 2000). Отметим также, что жанровая специфика картин в нашем случае не являлась основанием конструирования выборки, потому что планировалось анализировать репрезентации способов заботы о стариках, не очень чувствительные к особенностям киноповествования.

Для того чтобы сравнить представленность в отечественных кинофильмах конкретных моделей заботы и проанализировать их репрезентации в динамике, мы решили рассмотреть работы достаточно большого временного промежутка: за сорок лет, начиная с позднесоветского времени конца 1970-х годов по наши дни. Использование метода иконографии предполагает, что мы должны отобрать все фильмы на интересующую нас тему, выпущенные отечественным кинематографом за рассматриваемый период. Мы постарались это сделать, основываясь на своем опыте кинозрителей, но, к сожалению, должны констатировать, что, скорее всего, не смогли составить безупречную выборку: скорее всего, какие-то визуальные документы были ненамеренно упущены. Во внимание принимались не только те фильмы, сюжет которых посвящен теме ухода и заботы о пожилom человеке, но и те, в которых эта тема является побочной. Прежде всего это фильм «По семейным обстоятельствам», в котором нас интересовал разговор со стариком о плюсах совместной жизни нескольких поколений, а также фильм «Родня», в котором героиня Н. Мордюковой рассуждает о том, как следовало бы обойтись родным с ее бывшим мужем. К таким фильмам относится и восьмая серия современного сериала «А у нас во дворе», где сюжет о частной фирме, осуществляющей уход и обслуживание старика на дому, затрагивается в связи с расследованием главного героя. Перечень фильмов представлен в таблице 1.

Когда выборка фильмов получается сравнительно небольшой, как в нашем случае, осуществлять целенаправленный подсчет единиц анализа, особенно для сравнения различных временных периодов выхода

Таблица 1

**Фильмы советского и постсоветского периода,
проанализированные в статье**

Название	год
По семейным обстоятельствам, реж. А. Коренев	1978
Родня, реж. Н. Михалков	1981
И жизнь, и слезы, и любовь, реж. Н. Губенко	1983
Продлись, продлись, очарованье, реж. Я. Лапшин	1984
Ребро Адама, реж. В. Криштофович	1990
Небеса обетованные, реж. Э. Рязанов	1991
Бабуся, реж. Л. Боброва	2003
32 декабря, реж. А. Муратов	2004
На Верхней Масловке, реж. К. Худяков	2004
Простые вещи, реж. А. Попогребский	2007
Елена, реж. А. Звягинцев	2011
Марафон, реж. К. Оганесян	2013
А у нас во дворе (8 серия), реж. О. Музалёва	2017
Бабушка лёгкого поведения, реж. М. Вайсберг	2017
Жили-были, реж. Э. Парри	2018
Карп отмороженный, реж. В. Котт	2018

фильмов, представляется нецелесообразным. Имеет смысл лишь фиксировать представленность той или иной модели в конкретный период времени. Операционализация способов заботы предполагает обращать внимание на то, какие именно варианты жизни стариков демонстрируются режиссерами и как эти варианты оцениваются устами героев кино, а также какие альтернативы им противопоставляются.

На основе анализа фильмов мы выделяем пять моделей организации заботы (табл. 2), что стало возможным благодаря акцентированию основного субъекта заботы, а также места ее локализации: 1) проживание дома в одиночку, когда источником заботы служат соседи или кто-то из близкого окружения, но не родственники; 2) проживание дома с семьей, чле-

ны которой осуществляют заботу; 3) проживание дома в одиночку, когда забота осуществляется приходящими на договорной основе медицинскими и социальными работниками; два варианта «институционального ухода»: 4) в государственном доме престарелых, обеспечивающем профессиональный уход; 5) в частном пансионате для пожилых людей, также предлагающем услуги профессионального ухода.

Таблица 2

Модели заботы, репрезентированные в фильмах выборки

Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
1. «Небеса обетованные» (1991) 2. «Старухи» (2003) 3. «Жили-были» (2018) 4. «Карп отморозенный» (2018)	1. «По семейным обстоятельствам» (1978) 2. «Ребро Адама» (1990) 3. «Приходи на меня посмотреть» (2000) 4. «На Верхней Масловке» (2004)	1. «Простые вещи» (2007) 2. «Елена» (2011) 3. «А у нас во дворе» (8 серия, 2017)	1. «И жизнь, и слезы, и любовь» (1983) 2. «Марафон» (2013) 3. «Бабушка легкого поведения» (2017) 4. «Как Витька Чеснок вез Леху Штыря в дом инвалидов» (2017)	1. «32 декабря» (2004)

Отметим, что это не все возможные варианты осуществления заботы о стариках, а только те, которые отразил отечественный кинематограф. В таблицу не вошли фильмы выборки, в которых необходимость заботы о стариках проблематизируется, но забота не осуществляется (в «Родне», 1981, персонаж Н. Мордюковой ищет семью своего бывшего мужа, чтобы предъявить претензии об отсутствии заботы об отце семейства; в «Бабусе», 2003, показан безуспешный поиск дома, который принял бы старуху). Первый, третий и пятый из указанных вариантов появились в кинофильмах сравнительно недавно — с постперестроечных времен. Первой репрезентацией такого способа заботы, как «соседский» или «коммунитарный», когда заботу о старике берут на себя чужие люди, соседи или знакомые, близкие персонажу по возрасту и статусу, является фильм Э. Рязанова «Небеса обетованные» (1991). Возможность оплатить заботу и комфорт от-refлексирована кинематографом с 2000-х с появлением таких фильмов, как «32 декабря» (А. Муратов, 2004) и «Простые вещи» (А. Попогребский, 2007).

Жить в своем доме

Домашняя опека детьми их стареющих родителей традиционна для многих обществ. В русской крестьянской культуре она поддерживалась патриархальными нормами, которые, однако, даже в прошлые столетия не всегда гарантировали бесконфликтное сосуществование нескольких поколений под одной крышей. Поэтому пословицы доносят до нас голоса межпоколенных противоречий: «Старые знают много, да слушают их плохо», «Через старых и молодым житья нет», «Молодых потешить — стариков перевешать».

В наши дни правила семейной заботы сохраняют свою нормативную силу для многих российских семей, но в силу разных причин потенциал конфликтности в реализации этого способа заботы увеличился (Вовк 2005). Тема изменившихся и состарившихся родителей, живущих вместе с молодыми поколениями, концентрирует такой потенциал драматизма, что может служить рамкой для показа режиссером всех других проблем, включая макросоциальные трансформации. Так происходит, например, в фильме «Ребро Адама» (В. Криштофович, 1990), где не встающая с постели старуха, за которой вынуждены ухаживать ее дочь и внучки, прочитывается зрителями как стремительно ветшающая героиня советского прошлого, от которой нечестно отказаться, но и жить с этим предельно тяжело.

Интересно, что модель родственной заботы в отечественном кино оказалась почти не представлена. Единственный фильм, где нуждающаяся в заботе престарелая мать живет со своей уже немолодой дочерью в любви и относительной гармонии — это «Приходи на меня посмотреть» О. Янковского и М. Аграновича (2000). Особняком стоит фильм «На Верхней Масловке» (К. Худяков, 2004) — заботу, представленную в фильме, можно обозначить как родственную лишь с долей условности, поскольку молодой человек, живущий много лет в доме старухи, не является главной героине родным. Есть фильмы, в дискурсе которых семейная забота представляется как (гипотетически возможное) решение острых проблем неустроенности стариков, например фильм Л. Бобровой «Бабуся» (2003), или «Небеса обетованные» Э. Рязанова (1991), или еще более ранний фильм «Родня» С. Михалкова (1981), или современный «Как Витька Чеснок вез Леху Штыря в дом инвалидов» А. Ханга (2017), однако основная идея этих киноработ относительно нашего сюжета заботы состоит как раз в том, что близкие родственники, дети и внуки тягостятся заботой о стариках или отказываются от нее, хотя (в идеале) должны были бы делать это. Иными словами, модель присутствует в кинодискурсе лишь

в качестве абстрактного нормативного ориентира. Иногда встречаются рассуждения персонажей фильмов о плюсах совместного проживания нескольких поколений семьи под одной крышей (можно, например, вспомнить фильм А. Коренева «По семейным обстоятельствам», 1977).

Тем не менее тема морального и физического труда по уходу за старыми людьми, заботе о них, осуществляемого домочадцами день за днем, является скорее темой умолчания в отечественном кинематографе, особенно российского периода. Отметим, что с конца 2000-х годов модель заботы в рамках семьи не всплывает в фильмах даже в качестве возможной альтернативы домам престарелых или профессиональному уходу на дому. Режиссеры могут невысоко оценивать последние варианты, но и семейная забота не видится им «спасательным кругом».

Зато с 1990-х в отечественном кино присутствует компенсаторная модель — назовем ее условно «коммунитарной» заботой. Согласно логике этой модели, одиноко живущие старики объединяются и заботятся друг о друге сами, например в пределах проживания по соседству друг от друга. Эта модель предлагается нам современными российскими фильмами, такими, например, как «Жили-были» (Э. Парри, 2017). Присутствует эта тема и в «Карпе от замороженном» (В. Котт, 2017), и «Старухах» (Г. Сидоров, 2003). Старики поддерживают друг друга, помогая осуществлять заботу о здоровье, помощь по хозяйству, моральную поддержку в случае необходимости. Появилась эта модель в фильме Э. Рязанова «Небеса обетованные» (1991), причем актуализировалась на фоне и в связи с коллапсом перестроечного времени.

Интерпретации государственной заботы

Дома престарелых представлены в кино как дисциплинарные закрытые институты. Степень «дисциплинирующего» воздействия и вторжения в жизнь объекта заботы высвечивается режиссерами по-разному, тем не менее о каком бы доме престарелых ни шла речь, этот мотив все равно присутствует. Обитатели дома престарелых и «обычные» пожилые люди отличаются друг от друга степенью зависимости от воли, действий, решений других людей. Если вторые обладают большей или меньшей свободой в самостоятельном принятии решений о себе самом(ой), в частности относительно своего тела, то первые даже такой свободы уже (практически) не имеют.

Одна из самых ярких кинорепрезентаций дома престарелых дана в фильме «И жизнь, и слезы, и любовь» (Н. Губенко, 1983). Здесь контекст государства включен в фильмическое повествование на двух уровнях — на уровне истории советского государства, о которой вспоминают жите-

ли дома престарелых, будучи ровесниками эпохи, а также на уровне структур среды обитания — заведующий домом престарелых Федот Федотыч называет живущих «контингент», распорядок дня регулируется по внутреннему радио и т.п. Новым главным врачом такая забота оценивается как «казенщина».

Проблема ограничения свободы стариков в условиях государственной заботы представлена и в современных фильмах «Марафон» (К. Оганесян, 2013) и «Бабушка легкого поведения» (М. Вайсберг, 2017). В первом главной героине, персонажу Екатерины Васильевой, даже не разрешили присутствовать на похоронах соседки по комнате; ее, не желающую возвращаться после побега, силой ведут в здание. Во втором фильме медсестра третирует стариков, в частности, персонажа Владимира Толоконникова, используя их слабости и применяя приемы физического воздействия.

Заметим, что в дискурсе персонажей, говорящих о домах престарелых, часто звучит извиняющийся мотив: подчеркивается, что дом престарелых «элитарный», с хорошим уходом, «просто рай» для пожилых — подобные характеристики мы слышим, например, от сына бывшей учительницы в фильме «Карп отмороженный» (В. Котт, 2017). Но сами режиссеры практически всегда вскрывают «зыбкую» сущность этого рая, демонстрируя нам изоляцию стариков в таких условиях, а также потерю ими личностного начала, превращение их в амёбopodobных существ. Более того, персонажами фильмов озвучивается идея категорической нежелательности попадать туда, даже если речь идет о привилегированных вариантах заведений, как, например, делает героиня М. Нееловой в «Карпе отмороженном».

Рынок заботы

В российских фильмах 2000-х годов появляется тема коммерческой заботы, т.е. такой, когда уход за стариками принимают на себя нанятые за деньги специалисты или помощники. В новых российских условиях обеспеченные пожилые люди могут договориться с фирмой об обслуживании на дому («Простые вещи» А. Попогребского, 2007, или 8 серия «А у нас во дворе» О. Музалёвой, 2017), а некоторые решают проблему, женившись на более молодой женщине, способной осуществлять функции профессиональной сиделки и обеспечивать комфортную жизнь («Елена» А. Звягинцева, 2011).

Между тем режиссеры не очень высоко оценивают перспективы оплачиваемой заботы. Кинофильмы рассказывают нам о том, что, даже оставаясь в своем доме, эти старики уже не являются себе хозяевами: они зависимы от волонтеризма посторонних, оглядываются в своих решениях

на настроения и мнения других, подчиняются манипуляциям и угрозам, как персонаж Леонида Броневского в «Простых вещах», а в случае неподчинения испытывают физическое насилие над собой, как в фильме «Елена». Таким образом, кинематограф несет тенденцию социального сопротивления сложившимся практикам заботы.

Режиссеры показывают нам и такой вариант решения состоятельных пожилых людей, когда те сами организуют и обеспечивают свою жизнь в комфортном доме-пансионате, где есть медицинский уход, однако обстановка — свободная и их воля никак не ущемлена («32 декабря» А. Муратова, 2004). Однако последний вариант представлен в качестве желательного идеала и снят в традициях волшебного новогоднего кино, очевидна нереальность, сказочность всего происходящего. Примечательно, что в отечественный дискурс попадает такой идеализированный вариант заботы: обитатели этого пансионата для пожилых, которых медперсонал любовно называет «антиквариат», необязательно одиноки, при желании могут общаться с семьями, свободно перемещаться по городу по своим делам. Как нам представляется, именно этот фильм представляет нам модель заботы, которая могла бы решить многие проблемы в жизни стариков, стать образцовой, не будь она только сказкой.

Заключение

Кинофильмы в определенной степени отражают сложившиеся социальные представления о допустимых формах заботы о людях пожилого возраста. Исходя из этого следует сказать, что результаты нашего анализа показали нам довольно неожиданными. Крайне небольшое количество фильмов, демонстрирующих гармоничную родственную, внутрисемейную заботу о стариках, свидетельствует, по нашему мнению, о том, что эта тема является болезненной для визуальной репрезентации. Видимому, забота такого рода с течением времени уже не видится легитимным и правильным способом решения проблемы.

В этой связи нам кажется интересным наличие представлений о возможности и действенности коммунитарной заботы: заботы стариков о стариках. Возможно, подобные фильмы отражают своеобразную интерпретацию популярной идеи активной старости. Коммунитарная, или внутрисемейная забота равных, выступает альтернативой для угнетающей и забирающей свободу жизни в доме престарелых, отсутствию душевности, а в случае частного ухода дороговизне профессионального обслуживания в домашних условиях, издержкам совместной жизни при семейном уходе. Обзор фильмов позволил дополнить имеющиеся классификации заботы: говоря о том, кто осуществляет заботу, мы можем вы-

делить соседей или других чужих людей в качестве еще одного варианта ее субъектов.

Старики, которые по разным причинам переезжают в дом престарелых, даже не всегда вынужденно, ограничены рамками режима, ухода, волей других людей, теряют независимость и самостоятельность. Что касается социальной недееспособности, то режиссеры именно с этим пунктом в своих работах «спорят» и говорят нам, что даже будучи на какой-то момент лишенными значимых связей (работы и рабочих контактов, семьи, друзей), старики могут проявлять свою социальную состоятельность: находят новые объекты для любви, дружбы, ввязываются в авантюры. Фильмы демонстрируют, что в экстремальных условиях домов престарелых или домашнего одиночества старики могут восстанавливать или приобретать новые связи: способны влюбляться («И жизнь, и слёзы, и любовь», 1983, «Небеса обетованные», 1991), заводить друзей, обретать привязанность («32 декабря», 2004, «Простые вещи», 2007), способны на масштабные авантюры (как героиня Екатерины Васильевой из фильма К. Оганесяна «Марафон», 2013).

Фильм — специфическая форма высказывания, характерная для определенного социума, связанная со временем и социальной историей. Взглянув на фильм как продукт эпохи, рассмотрев особенности творчества режиссеров, мы можем говорить об эволюции кинозгляда на проблему. Кинорепрезентации отражают представления о «хороших» и «плохих», правильных и неправильных, приемлемых и неприемлемых способах заботы, помогая нам диагностировать произошедшие ценностные сдвиги. Зафиксировав изменения кинодискурса, оставим вопрос о перспективах развития форм заботы для следующих исследований.

Выражение благодарности

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03434) по теме «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Литература

Вовк Е. (2005) Старики в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия. *Отечественные записки*, 3: 171–184.

Григорьева И.А. (2019) Старение и трансформация приоритетов социальной политики. Суходолова А.П., Карпикова И.С. (ред.) *Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов: мат-лы всерос. конф.* Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета: 18–23.

Григорьева И.А., Сизова И.Л., Москвина А.Ю. (2019) Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие

перспективы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 125–144.

Здравомыслова Е., Низамова А. (2019) Миры институциональной заботы: совместное проживание и конфликты в пансионате для людей старшего возраста. Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (ред.) *Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства*. СПб.: Изд-во ЕУСПб: 217–251.

Карагода К. П. (2016) Старость и смерть женщины в кино. Зенгин С.С., Гриценко В.П., Мацневский Г.О. (ред.) *Образование и наука в высшей школе: современные тренды: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, октябрь-ноябрь 2016 г.)*. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры: 168–174.

Лавлинский С.П. (2018) Онтология старости в современной культуре: новейшая драматургия в кинематографическом и литературном геронтоконтексте. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 24(2): 77–84.

Мортари Л. (2016) *Практика заботы*. СПб.: Алетейя.

Орлова Г. (2006) «Воочию видим»: фотография и советский проект в эпоху их технической воспроизводимости. *Советская власть и медиа*. СПб.: Академический проект: 188–204.

Пановский Э. (1999) *Смысл и толкование изобразительного искусства*. СПб.: Академический проект.

Парфенова О.А., Петухова И.С. (2019) Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 173–186.

Смолькин А.А. (2019) Социология возраста и границы социального конструирования. *Социология власти*, 31(1): 8–13.

Сусоева А.С., Нагорная О.С. (2016) Культура старости в России и странах Запада: образ пожилых в средствах массовой культуры и проблема социального самочувствия. *Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области*, 4(15): 98–101.

Ткач О. (2015) «Заботливый дом»: уход за пожилыми родственниками и проблемы совместного проживания. *Социологические исследования*, 10: 94–102.

Усманова А.Р. (2007) Научение видению: к методологии анализа фильма. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Круткин В.Л. (ред.) *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность*. Саратов: Научная книга: 183–204.

Chivers S. (2011) *The Silvering Screen: Old Age and Disability in Cinema*. Toronto: University of Toronto Press.

Cohen-Shalev A. (2009) *Visions of Aging: Images of the Elderly in Film*. Brighton: Sussex Academic.

Cole T. R. (1991) Aging, Home and Hollywood in the 1980s. *The Gerontologist*, 31(3): 427–430.

Jones D.B. (1950) Quantitative Analysis of Motion Picture Content. *The Public Opinion Quarterly*, 14(3 Autumn): 554–558.

Redding A. (2014) Finish Worthy of the Start: The Poetics of Age and Masculinity in Clint Eastwood's "Gran Torino". *Film Criticism*, 38(3): 2–23.

Yahnke R. (2005) Heroes of Their Own Stories: Expressions of Aging in International Cinema. *Gerontology & Geriatrics Education*, 26 (1): 57–76.

Wiles J., Leibning A., Guberman N., Reeve J., Allen R. (2012) The Meaning of "Aging in Place" to Older People. *The Gerontologist*, 52(3): 357–366. <https://doi.org/10.1093/geront/gnr098>

CARE FOR THE ELDERLY INTERPRETED IN RUSSIAN FILMS

Ekaterina Orekh^a (e.orekh@spbu.ru)

Olga Sergeeva^{a b}

^a Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

^b ITMO University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Orekh E., Sergeeva O. (2019) Zabota o starikakh v interpretatsiyakh otechestvennogo kinematografa [Care for the Elderly Interpreted in Russian Films]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(4): 120–140 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.5>.

Abstract. Today's cinema is characterized by a surge of interest in the old age topic. Given that, the authors summarize the Russian cinema experience, both Soviet and contemporary, which has been released over the past four decades and devoted to caring for the elderly. Since cinema is one of the ways society reflects on itself, the authors aimed to "silver screen" overview, which allows them to fix possible changes in the legitimate ways of caring for the elderly. The authors suggest that demonstrating a person as an object of care is one of the strategies for attributing a state of old age to hero. For film analysis, the iconography method (E. Panofsky) was chosen, which explicates the rules' construction for film discourse based on thematic episodes comparisons. The authors based on the typology of care models related to the actor, which allowed to identify five ways for the organization of care in films. These are the following: living alone at home when neighbors help; living at home with a family whose members take care; living alone at home when care is carried out by specialists; accommodation in state nursing home and accommodation in a private nursing home for the elderly. According to the authors, the marginalization family care discourse in Russian films, as well as the development of the community method of care from the beginning of the 1990s (from neighbors, friends), indicates a confrontation between traditional and new care practices.

Keywords: cinema, representation, iconography, care practices, old age, nursing home, visual analysis.

Acknowledgements

The study was performed with financial support by the grant from the Russian Science Foundation (project № 14-18-03434) “Models of the interaction between society and the elderly: a study of opportunities for social inclusion”.

References

- Chivers S. (2011) *The Silvering Screen: Old Age and Disability in Cinema*. Toronto: University of Toronto Press.
- Cohen-Shalev A. (2009) *Visions of Aging: Images of the Elderly in Film*. Brighton: Sussex Academic.
- Cole T.R. (1991) Aging, Home and Hollywood in the 1980s. *The Gerontologist*, 31(3): 427–430.
- Grigoryeva I.A. (2019) Starenie i transformacija prioritetov social'noj politiki [Aging and Transformation of Priorities of Social Policy]. Suhodolova A.P., Karpikova I.S. (eds.) *Novye tendencii v dejatel'nosti sociozashhitnyh institutov: materialy Vserossijskoj konferencii* [New trends in the activities of social care institutions: materials of the All-Russian Conference]. Irkutsk: Izd-vo Bajkal'skogo gos. universiteta: 18–23 (in Russian).
- Grigoryeva I.A., Sizova I.L., Moskvina A.J. (2019) Social'noe obsluzhivanie pozhilyh: realizacija Federal'nogo zakona № 442 i dal'nejshie perspektivy [Social Services for the Elderly: Implementation of Federal Law No. 442 and Future Prospects]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 125–144 (in Russian).
- Jones D.B. (1950) Quantitative Analysis of Motion Picture Content. *The Public Opinion Quarterly*, 14(3): 554–558.
- Karagoda K.P. (2016) Starost' i smert' zhenshiny v kino [Old Age and Death of a Woman in Movie]. Zengin S.S., Gricenko V.P., Macievskij G.O. (eds.) *Obrazovanie i nauka v vysshej shkole: sovremennye trendy: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (Krasnodar, oktjabr' — nojabr' 2016 g.)* [Education and Science in Higher Education: Current Trends: materials of the International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, October — November 2016)]. Krasnodar: Krasnodarskij gosudarstvennyj institut kul'tury: 168–174 (in Russian).
- Lavilnsky S.P. (2018) Ontologija starosti v sovremennoi kulture: noveishaia dramaturgiia v kinematograficheskom i literaturnom gerontokontekste [Ontology of Old Age in Contemporary Culture: the Latest Drama in the Cinematic and Literary Gerontoccontext]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 24(2): 77–84 (in Russian).
- Mortari L. (2016) *Praktika zaboty* [Practice of care]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Orlova G. (2006) «Voochiju vidim»: fotografija i sovetskij proekt v jepohu ih tehničeskoj vosproizvodimosti [«See it firsthand»: Photography and the Soviet Project in the Era of Their Technical Reproducibility]. *Sovetskaja vlast' i media* [Soviet power and media]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt: 188–204 (in Russian).

Panofsky E. (1999) *Smysl i tolkovaniye izobrazitel'nogo iskusstva* [Meaning in the Visual Arts: Papers in and on Art History]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt: 26–54. (in Russian).

Parfenova O.A., Petuhova I.S. (2019) Konkurencija za zabotu o pozhihlyh: taktiki social'nyh servisov v novyh uslovijah [Competition in Caring for the Elderly: Tactics of Social Services in the New Situation]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 173–186 (in Russian).

Redding A. (2014) Finish Worthy of the Start: The Poetics of Age and Masculinity in Clint Eastwood's "Gran Torino". *Film Criticism*, 38(3): 2–23.

Shpakovskaja L., Kulmala M., Chernova Zh. (2019) Ideal'naja organizacija zaboty o detjah, ostavshihhsja bez popechenija roditel'ej: reforma sistemy zashhity detej kak bor'ba za resursy i priznanie [The Ideal Organization of Care for Children Left without Parental Care: Russia's Child Welfare Reform as a Battle over Resources and Recognition]. *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 11(1): 57–81 (in Russian).

Smolkin A.A. (2019) Sociologija vozrasta i granicy social'nogo konstruirovaniya [Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 31(1): 8–13 (in Russian).

Susoeva A.S., Nagornaja O.S. (2016) Kul'tura starosti v Rossii i stranah Zapada: obraz pozhihlyh v sredstvah massovoj kul'tury i problema social'nogo samochuvstviya [The Culture of Old Age in Russia and the West: the Image of the Elderly in Media Culture and the Problem of Social Well-Being]. *Vestnik Soveta molodyh uchenyh i specialistov Cheljabinskoy oblasti* [Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region], 4(15): 98–101 (in Russian).

Tkach O. (2015) «Zabotlivyj dom»: uhod za pozhihlymi rodstvennikami i problemy sovmestnogo prozhivaniya ["Caring Home": Care for Elderly Relatives and Problems of Cohabitation]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Researches], 10: 94–102 (in Russian).

Usmanova A.R. (2007) Nauchenie videniju: k metodologii analiza fil'ma [Learning to see: towards a film analysis methodology]. Jarskaja-Smirnova E.R., Romanov P.V., Krutkin V.L. (red.) *Vizual'naja antropologija: novye vzglyady na social'nuju real'nost'* [Visual anthropology: new perspectives on social reality]. Saratov: Nauchnaja kniga: 183–204 (in Russian).

Vovk E. (2005) Stariki v sem'e: osobennosti mezhpokolencheskogo vzaimodejstviya [Old People in the Family: Features of Intergenerational Interaction]. *Otechestvennyye zapiski* [Homeland Papers], 3: 171–184 (in Russian).

Yahnke R. (2005) Heroes of Their Own Stories: Expressions of Aging in International Cinema. *Gerontology & Geriatrics Education*, 26(1): 57–76.

Zdravomyslova E., Nizamova A. (2019) Miry institucional'noj zaboty: sovmestnoe prozhivanie i konflikty v pansionate dlja ljudej starshego vozrasta [Institutional Care Worlds: Cohabitation and Conflict in Nursing Home for Elderly]. Borozdina E.A., Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (eds.) *Kriticheskaja sociologija zaboty: perekrestki social'nogo neravenstva* [Critical Sociology of Care: the Crossroads of Social Inequality]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb: 217–251 (in Russian).